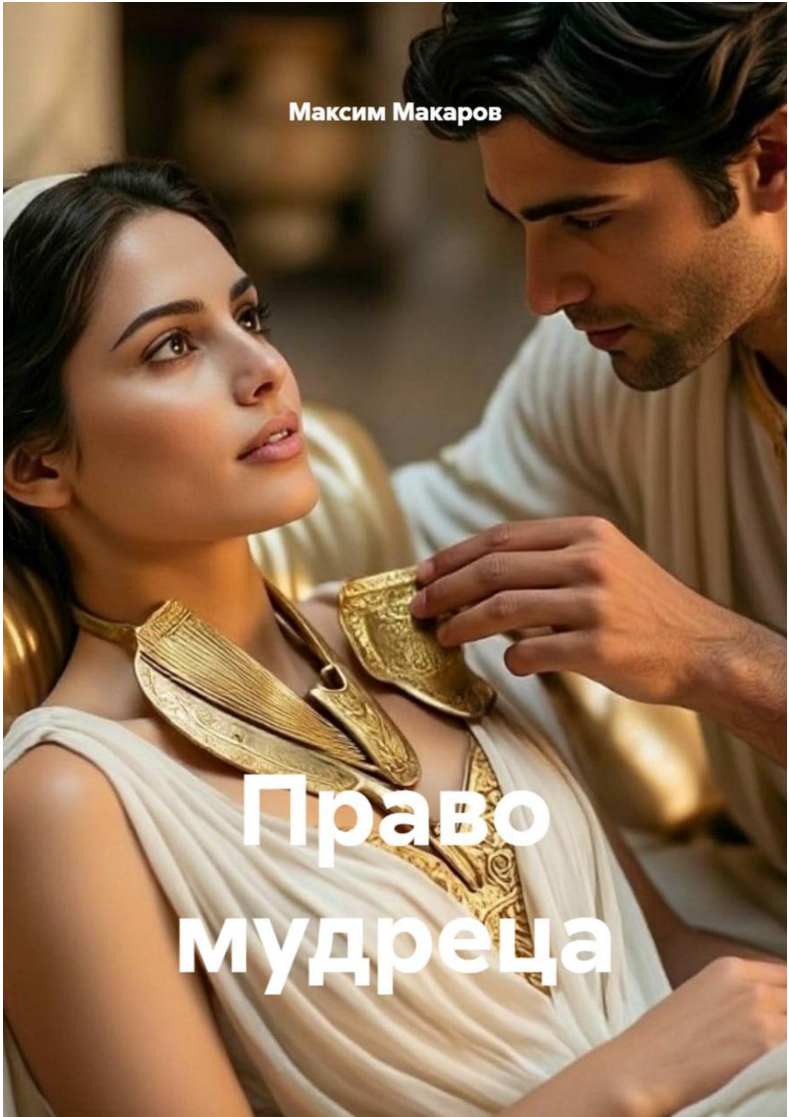

Максим Макаров
Право мудреца

Максим Макаров
Право мудреца

https://litres.ru/74731722
SelfPub; 2026

Аннотация

«Право мудреца» – это античный политический триллер. 110 г. до н. э. Место действия – Боспорское царство и Римская республика. Митридат, царь Понта и главный конкурент Рима строит сеть тайного влияния в самом сердце республики.

Главный герой – афинский хлеботорговец Аристид, – действует по поручению римского наместника Македонии. Аристид – агент с двойным покрытием: для римских провинций он обеспечивает поставки хлеба; для наместника – отслеживает политическую ситуацию на Боспоре. Одновременно он и его римский приятель Луций расследуют дело о пропавшей женщине, которая знала слишком много и которую они надеются найти и спасти.

Роман показывает, с одной стороны шпионскую историю, а, с другой – личную драму героев и их поиски знания, которое дает право вершить судьбами людей и империй. Только мудрец может обладать таким знанием и таким правом. Однако абсолютное знание недостижимо, а наличие самих мудрецов оспаривается. Но право признается всеми, и кто-то может присвоить его себе.

Содержание

Глава 1. Поручение квестора 4
Глава 2. Аспазия 12
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Максим Макаров
Право мудреца

Глава 1. Поручение квестора

Римская провинция Македония. Фессалоника.

Аристид, сын Эфора, потомственный проксен Боспорской державы и афинский хлеботорговец, ожидал в приёмной квестора при наместнике провинции. Тот сам вызвал его по срочному делу. Путь Аристида лежал из Пирея — города, откуда он был родом. Когда-то он учился в Афинах, в Новой Академии, но в итоге принял семейное дело отца и посвятил себя хлеботорговле. Пока он оставался холост, а его дом неподалёку от гавани Канфар чаще пустовал. Постоянные разъезды, неизбежные для торговца, оставляли неясным вопрос о создании семьи, хотя с некоторых пор в его сознании укрепилась мысль: ясность — не истина, а лишь временное равновесие доводов.

Квестор Павел Эмилий был римским гражданином смешанного происхождения с явной греческой примесью. Невысокого роста с тонкими чертами лица и с аккуратно подстриженной бородой — по моде, которая шла скорее к греку, чем к римлянину. Он был ненамного старше Аристида. Па-

вел принял его в небольшом кабинете за атриумом. Он был в белой тунике с широкой пурпурной полосой и завернут в белую тогу. Павел Эмилий хмуро смотрел на таблички, сложенные стопкой справа от него, и нервно постукивал перстнем по столу.

После приветствия квестор разложил перед Аристидом несколько табличек и внимательно посмотрел на него.

– Новости из Пантикапея тревожные. Перисад слаб, скифская знать поднимает голову, ходят слухи о заговоре. Если скифы возьмут боспорские порты, мы можем потерять половину отгрузок оттуда. Риму хватает африканского хлеба. Но Афины, Фессалия и наши союзники в Эгеиде сидят на понтийском зерне.

Посмотри на эти записи. Вот на этой – из списка кораблей, заявленных к погрузке, не загруженными остаются восемь из двенадцати на середину прошлого месяца. На другой – донесения от купцов: в городе растёт напряжение. Наместник требует от меня четкого ответа: сможем ли мы вывезти хлеб в следующем месяце, и кто реально держит власть в столичном порту прямо сейчас. Ты знаешь, как думают греки, и умеешь читать между строк. Скажи, где здесь риск?

– Судя по тому, что я уже знаю и по твоим записям, контроль в портах Пантикапея и Феодосии смещается к местным эмпоросам и военной верхушке. Если противники Перисада выступят, первым делом они закроют амбары и причалы. Вывоз хлеба остановится, пока не станет ясно, кто

сильнее. Зерно останется гнить в амбарах, а суда уйдут с балластом.

Квестор внимательно слушал Аристида и после слов про балласт он прервал его.

– Аристид, тогда тебе придется поехать туда. Разузнать обстановку. Поговорить с теми, кто знает порты изнутри: надсмотрщиками, купцами, портовыми чиновниками. Собрать имена, даты и все остальное. И главное – выяснить, когда может начаться схватка, если она вообще начнётся. Он смотрел на Аристида, пытаясь быть убедительным.

– Ты – потомственный проксен Боспора, и тебя там знают. Если я пришлю своего писца, его будут кормить слухами. А ты можешь зайти в дом магистрата, выпить вина, поговорить о философии – и узнать, кто реально держит ключи от амбаров. Мне нужны три вещи: имена тех, кто контролирует порты, объёмы зерна на складах и дата, когда начнётся погрузка. Если ты это принесёшь, я обеспечу охрану твоим судам до конца года. И, если захочешь, замолвлю слово в сенате, чтобы афинские привилегии по хлебным долям не трогали.

Аристид ответил не сразу. В Боспоре у него были старые знакомства – и старые счёты – в основном в среде купцов, занимавшихся вывозом хлеба и боспорской рыбы. В Пантикапее был даже дом у речной лагуны, доставшийся еще деду Аристида. Аристид провел там часть детства и считал Боспор второй родиной. Но по-настоящему родными для него были все-таки Афины.

– Соглашусь, но с рядом условий. Если хаос обрушит торговлю, Фессалия и Афины потеряют хлеб, мой город останется без зерна. Я сделаю это ради людей. Если вы сможете удержать равновесие – я помогу увидеть, где проблема.

Аристид продолжил, глядя прямо на квестора:

– Павел, я поеду, если выполнишь еще одно мое условие. Он выдержал короткую паузу.

Есть в Афинах школа риторов. Ее наставник и моя хорошая знакомая, Аспазия, попала в общину, которую называют Пифагорейским братством. Сама эта община находится в Капуе. До меня дошли сведения, что там заставляют отдавать имущество, держат людей взаперти, принуждают приносить странные клятвы. В число членов этого странного сообщества вовлечены, в том числе, римские граждане, над которыми творится беззаконие. У меня есть письменные свидетельства. Если это нарушает римские законы о свободе граждан, я прошу тебя проверить эту общину и освободить эту женщину и всех, кого там держат против их воли.

Квестор чуть поднял брови.

– Ты хочешь, чтобы я бросил людей на поиски твоей знакомой, пока здесь рушатся хлебные поставки?

– Не ради чувств. Ради закона. Если они держат людей против воли и вводят чуждые культы – это не частная ссора. Это нарушение прав римлян. Пусть магистраты проверят. Если там всё чисто – я приму это. Если нет – пусть вмешаются.

Квестор взял табличку и нацарапал заметку: «Проверка философского кружка в Кампании по подозрению в нарушении мира городской общины».

– Хорошо. Я отправлю донесение в Кампанию для префекта: пусть проверят, нет ли там нарушения прав граждан, не нарушают ли эти «пифагорейцы» обряды и не мешают ли официальным культам. Но помни: я делаю это не потому, что мне дорога твоя знакомая. Я не люблю, когда под видом философии прячут смуту. Но это не моя забота, и не мои люди туда поедут. Это пойдёт через претора. Я напишу в Рим, чтобы претор взял это дело на контроль. Мы с ним знакомы – работали в одной сенатской комиссии. К тому же, в его интересах – избежать скандала, если им займется какой-нибудь популяр.

А взамен ты мне дашь не рассуждения, а точный список: кто из боспорских надсмотрщиков уже меняет пломбы, кто из скифской знати приходит в порты без приглашения, и когда царский наместник последний раз лично проверял склады.

– Рассуждения я оставлю для философского трактата. Мне нужно изучить твои донесения о поставках и посмотреть список кораблей. Остальное – уже на месте. Надо понять, где и как держать оборону.

Аристид положил на стол письмо.

– Вот это письмо от моего знакомого в Риме. Он говорил с человеком, который бежал из этой общины.

– Хорошо. Пусть будет так: ты мне – факты о Боспоре, я тебе – официальную проверку в Италии. Квестор тут же взял стилус и начал набрасывать черновик донесения.

– Беглец из общины – Гай Пульпий, вольноотпущенник из Кампании, – диктовал Аристид квестору. – Пульпий говорит, что видел, как у людей забирали перстни-печати и деньги сразу при вступлении. Римские граждане в общине – греки, получившие гражданство за службу или по родству. Один из них – Ликий, врач из Капуи.

Квестор согласно кивнул.

– Греки с гражданством – это не частная ссора. К тому же, если проигнорировать жалобу о насилии над гражданами, меня самого могут обвинить в том, что я не пресёк это беззаконие – тихо сказал он, скорее сам себе.

– И еще, Аристид. Наместника интересуют также сарматские племена. Роксоланы, в первую очередь. Они создали что-то вроде военного союза с другими племенами и представляют реальную военную силу. Неплохо бы установить контакты с их верхушкой, – часть их служат как наемники у Пересада.

Квестор велел писцу снять копию. Одну табличку он оставил себе, вторую протянул Аристиду.

– Вот копия твоего письма в моём донесении. А теперь иди. Предлагаю тебе отплыть прямо отсюда, из Фессалоники. Завтра специально для тебя снарядим актуарию. Лучше отплыть на ней. Деньги на закупку хлеба для государствен-

ных нужд выделены. Заберешь в канцелярии. Возьми с собой писца, если нужно. И помни: мне нужны даты, имена и объёмы. Не надежды.

Аристид взял табличку, и перед прощанием пообещал:

– Завтра буду на корабле.

На следующий день Аристид уже в порту садился на корабль «Быстрая Фортуна», следующий курсом на Пантикапей.

Накануне он написал несколько писем. Первое – своему приятелю по академии Луцию Сестию, члену коллегии защитников в Риме. Второе – своему эконому в Пирее.

«Луцию от Аристида.

Луций, друг мой, пишу тебе не как к товарищу по Академии, а как к адвокату, знающему, как заставить магистратов работать. Дело в том, что из Афин пропала уже несколько лет назад Аспазия. Может, ты помнишь ее по Академии. Недавно я получил письмо из Рима от вольноотпущенника Гая Менандра, который видел ее мельком в Капуе. После моей просьбы он расспросил людей и нашел того, кто находился с ней в общении – Гая Пульпия, тоже вольноотпущенника. Она, по словам этого человека, состоит в закрытой пифагорейской общине. Судя по всему, их держат там насильно. Пульпий сумел сбежать оттуда. Главное, есть веские подозрения считать попадание Аспазии туда не добровольным…

Я отправил запрос через квестора при наместнике Маке-

донии, но это путь не скорый и ненадежный. Я прошу тебя проверить эту общину и содействовать освобождению Аспазии.

Сам я этим заниматься сейчас не могу – моё место в Пантикапее, куда я отплываю ближайшие дни и не знаю, когда вернусь. Прошу тебя: возьми это дело как mandatum. Пусть оно идёт от твоего имени, а не от моего. Ты знаешь, как оформить жалобу так, чтобы её нельзя было назвать «частной ссорой».

Взамен я обязуюсь: как только у меня будет груз для твоего брата Валента из Пантикапея в Остию, я обеспечу ему приоритетную погрузку и дам охранный пропуск от боспорского наварха. В тамошних условиях это не так уж мало, но это пока всё, что я могу сейчас предложить.

Твой должник, Аристид».

Аристид поставил печать, сложил свитки и отдал капитану судна, отправляющегося в Пирей.

Глава 2. Аспазия

Корабль, на котором Аристид отправился в Пантикапей был актуарией, – она была небольшой, но юркой и на веслах могла идти против ветра, что было весьма кстати для опасных вод за Византием и у Синдики.

Аристид разместился на палубе под тентом. Кроме нескольких кричащих чаек его никто не провожал. Пока они шли на веслах, он мысленно прощался с привычным строем жизни, готовился к новым встречам на Боспоре и вспоминал прошлое. Запах соленой воды напомнил ему тот вечерний бриз в Халкиде. Когда он несколько дней назад по пути в Фессалонику проходил Эвбею, в памяти встали их давние встречи с друзьями по платоновской академии и, прежде всего, – с Аспазией. Прошлое накатывало волнами, как морская зыбь и не хотело отпускать.

Халкида и Эвбея были накрепко связаны для него с этой женщиной. Будучи младшим членом Академии, он отправился сюда однажды в составе целой группы афинских философов под предводительством главы Академии Клитомаха, чтобы побывать на могиле Аристотеля и почтить его память. И здесь они впервые близко стали общаться с Аспазией, которая тоже приехала послушать нового наставника Академии. Они принадлежали к разным школам. Она, уче-

ница стоика Панетия, верила, что высшее благо – следовать природе и разуму. Он, воспитанный на Платоне, привык искать исходные эйдосы, но не игнорировать естественный ход вещей.

– Почему вы, академики до сих пор прячетесь за Платона? – говорила Аспазия, шагая по халкидским улицам, – По-моему, вы его давно потеряли и стали скептиками. И как торговцы все время взвешиваете и считаете вероятности.

– Да, мы взвешиваем, считаем. И выбираем наиболее убедительное. Это может быть скучнее, чем право мудреца действовать как ему хочется, зато честнее.

Они спорили всю дорогу до экклесиастерия – просторного здания, где Клитомах читал свои лекции.

На лекции Клитомах говорил о вероятности не как о слабости, а как о честности перед миром: мы не можем знать всего, но можем быть разумными в своём незнании. Он раскладывал примеры, как врач выбирает лечение, не имея полной картины болезни, но опираясь на симптомы, на опыт, на то, что вероятнее всего поможет. Еще он говорил, что спорить со стихией людских предрассудков также бесполезно, как спорить со стихией природной.

После лекции они какое-то время бродили по набережной Халкиды, пока город не начал затихать.

– Ты хочешь следовать долгу, – сказал он. – Мудрец видит долг, да. Но где искать мудреца, если действовать надо здесь и сейчас?

Она остановилась и посмотрела на него так, будто он только что поставил под сомнение саму основу её мира.

– Любой может им стать, если потрудится вникнуть в суть окружающих вещей. Даже если обстоятельства сложны, я должна в них разобраться и поступить так, как требует природа.

– В том-то и дело, что не любой.

Аристид хотел еще возразить, но вдруг понял, что спорить с этим – всё равно что спорить с ветром. Её вера была не аргументом, а опорой. И в этом была её сила – и её уязвимость.

Разговор свернул на Рим. Это случилось почти незаметно, как бывает, когда давнее напряжение прорывается случайной фразой.

– Они разрушили Коринф, лишили Афины самостоятельности. – сказала Аспазия, и в голосе её впервые прозвучала не философская рефлексия, а горечь. – Они называют это порядком, но это насилие. И ни один честный эллин не может назвать это насилие добродетелью.

На причалах зажигали вечерние сигнальные огни. Аристид вспомнил споры о римских захватах в своей семье между дедом и отцом и нахмурился. Он не любил этого перехода от абстрактного к политическому – потому что здесь философия теряла свою чистоту и сталкивалась с грубой реальностью частных и групповых интересов.

– За Римом сила, – сказал он спокойно. – А сила – это реальность. Если мы не можем ее изменить, мы должны ее

принять. Это и есть разумное отношение к обстоятельствам.

– Ты говоришь о Риме так, будто это не захватчики, а дар богов Элладе. Они приходят с мечами, а ты предлагаешь благодарить их за порядок.

Аристид спокойно кивнул, не пытаясь спорить с фактом: – Да, они приходят с мечами. Я не стану притворяться, будто это благородно. Но вопрос не в том, как они пришли, а в том, что они делают после. Посмотри на эту гавань. Здесь теперь безопаснее, чем было при любом тиране или при любой свободной лиге, которая воевала с соседями из-за пары полей. В конце концов, римляне борются с пиратством. Это и есть их главный дар – не мнимая свобода произвола сильного, а безопасность свободного поступка, хотя и в рамках права.

– Безопасность ценой свободы? – удивилась Аспазия. – Ты называешь это благом?

– Я называю это выбором, который делают сами греки. Ты видела, сколько греческих книг везут в Рим? Сколько греческих учителей берут в дома к детям сенаторов? Римляне не стыдятся учиться у нас. Да, они берут силой города, но одновременно с городами они берут наши идеи. Пример – историк Полибий: он живёт в Риме, но он пишет историю, которую читают и римляне, и греки. Это и есть новый мир по-римски.

– Ты хочешь сказать, что Рим – это образец добродетели?

Аристид усмехнулся:

– Нет, я не стану делать из римлян философов. Но их мо-

раль – это не добродетель отдельных людей, а добродетель государства, почти по Платону. Их добродетель – в обязательстве держать слово. У нас же даже самый честный человек может пообещать и не выполнить, потому что его город решил воевать или заключил новый союз.

Аспазия помолчала, глядя на море.

– Значит, ты готов заплатить свободой родины за безопасность и порядок? Нет, – она покачала головой, и в этом «нет» не было ни капли сомнения. – Видеть обстоятельства захвата твоей родины – да. Но не оправдывать зло.

Глядя на вечерний прибой, он хотел напомнить ей, что Панетий тоже учил быть гибким, не слепо следовать догме, а выбирать надлежащее по обстоятельствам. Но слова застряли в горле. Гибкость для неё сейчас звучала как предательство.

Они так и не пришли к согласию. Даже Клитомах, который, казалось, умел примирять крайности, не смог стать мостом между ними. В его лекциях не было ответа на вопрос, как оставаться верным принципам, когда мир требует компромисса. Он учил взвешивать вероятности, но не давал рецепта, как жить с болью от того, что мир устроен несправедливо.

Теперь, глядя на силуэты вечерней Халкиды, Аристид вспоминал не столько слова, сколько её лицо в тот вечер – полное той самой честной непримиримости, которая одновременно восхищала и пугала его. Она видела тот же мир,

но под другим углом, замечала те грани, которые сам бы он пропустил.

Аристид ещё немного постоял у борта, а потом повернулся к палубе, где матросы сворачивали парус, и почувствовал, что спор, начавшийся в Халкиде, всё ещё шёл внутри него – упрямый и ожидающий какого-то внятного ответа.

Чувство, которое охватило его тогда к Аспазии было похоже на выход к жилищу после долгих блужданий в лесу; к знакомому дому, который ты узнаёшь с первого взгляда, хотя никогда в нём не жил. Каждый угол в нем как возвращение к родному, которого у тебя не было, к тому, что сначала кажется обычным, но с каждой новой встречей отзывается учащенным биением сердца и трепетом.

В тот последний вечер в Халкиде ему показалось, что он наконец-то нашел для нее верный язык. Но дом становился то ближе, то дальше, то открывался и звал в гости, то снова терялся в зарослях.

– Пусть это останется со мною, – думал Аристид, глядя, как волны глотают последние закатные блики. – Этого хватит, чтобы не заблудиться снова.

Незадолго до вызова к квестору Аристид получил неожиданное короткое письмо без подписи, но с инициалом «А» на внешней стороне и с узнаваемыми интонациями.

«Мы живем, повинуясь гармонии сфер. Каждый день начинается с слушания пауз в музыке: учитель говорит, что только так можно услышать ритм Логоса. Тимолеон Ко-

ринфский – в Ноле. Мы не спорим: спор – это шум, который мешает слышать. Учитель Архит говорит, а я ему верю, что любовь – это согласие с порядком, а несогласие – болезнь. Я могу писать, но только в определённые дни и только о надлежащем. Сомнения и горечь не допустимы…»

Аристид вспомнил, как тогда он начал ходить по комнате и долго не мог успокоиться.

– Согласие с порядком… Любовь – это когда ты не имеешь права сомневаться… Остались только «согласие», «должен», «не спорим», а «хочу» или «хотела бы» куда-то исчезли.

– Это не гармония. Это гармония послушания и клетка из красивых слов.

Аристид опять вспомнил Панетия.

– Бывают обстоятельства, когда мудрец сам решает, что окажется надлежащим.

После Геллеспонта корабль долго стоял в удобной бухте, дожидаясь попутного ветра. На подходе к Боспору Киммерийскому их застало сильное волнение. Ветер крепчал, море темнело и нарастали серые волны, гребцы ритмично опускали и поднимали вёсла. Аристид стоял у борта и всматривался в горизонт, где уже угадывались очертания берега. К нему подошел кормчий.

– В Горгиппии на корабль поднялся купец, он сказал, к ним две недели назад зашла эскадра по пути в Пантикапей. Это должно быть Диофант, полководец Митридата. Говорят, с ним много воинов.

– Понтийцы, значит, на подходе. Митридат, похоже, постепенно обживается на Боспоре? – ответил он вслух. А про себя: «Значит, любы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.